

Библиографический список

1. Речь П.А. Столыпина в Государственной Думе 31 марта 1910 г. // П.А. Столыпин. Нам нужна Великая Россия. М., 1992.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 13.
3. Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; Черменский Е.Д. История СССР. Период империализма. М., 1959; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; Его же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988.
4. Россия. 1907. 6 ноября.
5. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону, 1998.
6. Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993.
7. Россия. 1907. 23 ноября.
8. Речь. 1907. 6 декабря.
9. Там же. 11 апреля.
10. Там же. 30 апреля.
11. Там же. 24 октября.
12. Там же. 27 октября.
13. Там же. 25 октября.
14. Там же. 1911. 23 марта.
15. Шульгин В.В. Годы. М., 1990.

О.А. Чернов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

П.А. СТОЛЫПИН И Н.В. ЧАРЫКОВ В ПЕРИОД БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА

25 января 1908 года Н.В. Чарыков был назначен товарищем министра иностранных дел. А 13 апреля того же года получил повышение и при Дворе стал гофмейстером [1]. В августе 1908 года А.П. Извольский отправился в отпуск. Во главе Министерства иностранных дел оказался Н.В. Чарыков.

Между тем в Австро-Венгрии начинается процесс по аннексии Боснии и Герцеговины. 17 августа Н.В. Чарыков получает записку от начальника Генерального штаба российской армии Ф.Ф. Палицына, в которой сообщалось о принятом правительством Австро-Венгрии решении аннексировать Боснию и Герцеговину [2, с. 116]. Н.В. Чары-

ков выразил сомнение в возможности подобного развития событий, целиком полагаясь на русско-австрийское соглашение 1897 года, которое основывалось на признании ситуации статус-кво на Балканах [2, с. 116].

Но уже 20 августа А.П. Извольский рассеял его сомнения. В своем письме он сообщал, что, находясь на отдыхе в Карлсбаде, встречался с Берхтольдом – послом Австрии в России, который передал ему послание министра иностранных дел Австро-Венгрии Эренталя. Последний сообщал, что Австро-Венгрия намерена присоединить обе славянские провинции, и предлагал Извольскому обсудить условия компенсации для России. Извольский совершенно справедливо полагал, что в любом случае эти провинции будут аннексированы, раз уж такое решение было принято (ведь Босния и Герцеговина были оккупированы еще со времен А.М. Горчакова по условиям Рейхштадтского соглашения 1876 года. – О.Ч.), а потому было необходимо воспользоваться ситуацией и потребовать для себя компенсаций. Прежде всего, в вопросе о статусе проливов Босфор и Дарданеллы [2, с. 116–117].

Так начинался «самый важный политический случай 1908 года», которым была «односторонняя отмена Австро-Венгрией статьи 25 Берлинского трактата, изменяя оккупацию Боснии и Герцеговины на аннексию этих сербских областей» [3, р. 269].

Н.В. Чарыков ознакомил с ходом переговоров Николая II сразу после того, как получил от Извольского уведомление, что русские предложения о компенсациях приняты Эренталем.

Император принял точку зрения руководителей русского МИДа и заметил, что в случае изменения режима проливов на основаниях, выдвинутых ими в качестве компенсации России, «...нечего хлопотать о Константинополе», и добавил, что успешное решение было бы «решением векового вопроса» [2, с. 125].

Все это время Извольский и Чарыков держали переговоры втайне. Но, как следует из воспоминаний В. Н. Коковцова, П.А. Столыпин был уже в курсе событий.

Во-первых, П.А. Столыпин показал В.Н. Коковцову... вырезку из венских газет, сообщавшую в виде слуха, что во время пребывания в имении гр. Берхтольда, австрийского посла в Петербурге – австрийского министра иностранных дел Эренталя и нашего министра иностранных дел А.П. Извольского состоялось принципиальное соглашение относительно... аннексии... Боснии и Герцеговины» [4].

Во-вторых, «он получил извещение, подтверждающее венское сообщение и из нашего Нового Времени, с которым он поддерживал близкие отношения через своего брата А.А. Столыпина» [4].

В связи с этим П.А. Столыпин спросил у Н.В. Чарыкова, «что ему известно по этому поводу, и тот отозвался, что Извольский не оставил ему никаких указаний перед своим отъездом, ничего не писал с дороги и никаких сообщений о своем пребывании в Бухлау ему не присылал, но, несомненно, был в этом имении и провел там довольно долгое время.

Чарыков прибавил, что вообще в министерстве никакой подготовки по этому вопросу перед выездом Извольского из Петербурга делается не было, как не было представляемо Государю никаких записок или мемуарий, которые обычно составляются всегда, когда министр имеет в виду доложить государю какой-либо принципиальный вопрос, а тем более испросить определенных Его указаний» [5, р. 19].

Тем не менее «Чарыков как бы вскользь оказал ему (Столыпину. – О.Ч.), что, вероятно, газетная заметка повторяет какой-либо слух, заимствованный из прежнего времени и неоднократных разговоров Извольского с Эренталем, еще в бытность последнего послом в Петербурге, на излюбленную комбинацию Извольского о желательности соединить наше согласие на аннексию Австрией Боснии и Герцоговины, – от чего нам, все равно рано или поздно, не уйти, да мы в этом, по его мнению, и мало заинтересованы, – с получением согласия Австрии на принципиальную поддержку нас и в давнем предположении Извольского добиться этим дешевым для нас путем открытия для нас проливов, на что он очень надеется, если только мы заручимся согласием Австрии и этим путем нейтрализуем отношение Германии» [4].

И только теперь Извольский просит поставить в известность о ведущихся им переговорах П.А. Столыпина и Совет министров. П.А. Столыпин выступил «с большой силой и красноречием, что Россия не должна давать ее согласие на аннексию славянской земли германцам» [6, р. 448]. Особенно возмутило П.А. Столыпина то, что А.П. Извольский вел переговоры втайне от российского правительства.

Между тем Н.В. Чарыков понимал ситуацию так, что «согласно Конституции [так Н.В. Чарыков именуется «Основные законы Российской империи». – О.Ч.]... все иностранные дела были переданы к исключительному усмотрению Его Величества. Таким образом, когда Извольский намеревался конфиденциально вести переговоры... министр, получив согласие императора, имел формальное право переходить к действиям

без ознакомления любого члена Кабинета и даже премьер-министра» [6, р. 447].

Как отмечает Б. Шмит, позиция П.А. Столыпина по вопросу о Боснии стала для Н.В. Чарыкова «большим сюрпризом» [7, р. 35–36]. Тем не менее Чарыков указывает, что «После хорошо обдуманного размышления я решил примкнуть к П.А. Столыпину, и это было бы лучше, чем вызвать его отставку, поскольку она могла бы неизбежно ускорить процесс той реакции, которую до сих пор он один был в состоянии остановить» [3, р. 270].

В более ранних воспоминаниях Н.В. Чарыкова имеется еще более конкретное объяснение – необходимо было избежать отставки П.А. Столыпина, «чье присутствие во главе правительства было нашей последней надежда на спасение России от революционных катаклизмов» [6, р. 447; 7, р. 36].

Кроме того, Н.В. Чарыков был сам «удивлен» тому, что А.П. Извольский держал факт переговоров втайне от П.А. Столыпина и других членов правительства [6, р. 448; 3, р. 270]. Чарыков объяснял свое поведение также приверженностью принципам «британской парламентской традиции – никогда не позволять развиваться правительственному кризису по вопросам внешней политики» [6, р. 448].

Между тем и П.А. Столыпин считал так же, заявив еще 26 августа 1908 года, во время решения вопроса о католикосе, что внешнеполитические аспекты не могут довлеть над внутренней политикой [8]. И, таким образом, позиция П.А. Столыпина Н.В. Чарыкову была прекрасно известна.

У Лангер несправедливо объясняет поведение Н.В. Чарыкова тем, что он был якобы «конкурентом» А.П. Извольского и «использовал первый удобный случай, чтобы проговориться, так сказать, премьер-министру Столыпину, министру финансов Коковцову и военному министру генералу Редигеру» [9, р. 322].

По его мнению, Извольский не узнал о «двуличности Чарыкова и действительно считал Эррентала ответственным за его замешательство», между тем Чарыков «работал рука об руку со Столыпиным, увидев свободное поле для осуществления его собственной политики» [9, р. 323].

В своих воспоминаниях Н.В. Чарыков показывает, что Николай II принял его и П.А. Столыпина на борту своей яхты. Николай II хотя в результате и принял доводы П.А. Столыпина, но отнесся к нему и его идеям крайне холодно [6, р. 448].

Холодность императора, возможно, объясняется тем, что Столыпин поставил Николая II перед тяжелым выбором, предъявив ему, по сути, ультиматум. В случае продолжения переговоров Извольского с Эренталем он требовал своей отставки [10, р. 292].

В результате А.П. Извольскому было направлено указание – вместо переговоров заявить протест. Как показало дальнейшее развитие событий, это решение оказалось верным, ибо, не дожидаясь официальной реакции российского правительства, министр иностранных дел Австро-Венгрии Эренвальд объявил об аннексии Боснии и Герцеговины, не дожидаясь согласия России [11].

Далее, как указано в мемуарах Н.В. Чарыкова, 10 марта 1909 года «германский посол предъявил Извольскому ноту, которая была, по существу, ультиматумом в поддержку австро-венгерских претензий» [11]. Чарыков вспоминал, что «ультиматум, изложенный... в самой любезной форме, поэтому был принят, и первая угроза мировой войны была, таким образом, предотвращена» [3, р. 270].

Зато в России «последовал внутренний кризис: Столыпин был очень сердит на Извольского за его секретный демарш, и националисты в Думе осудили Извольского... Царь отрицал его соучастие в деле Извольского–Эренвальда и отказался поддержать Столыпина или Извольского, поскольку между ними усилилась напряженность» [11, р. 139].

Между тем 27 сентября 1908 года Н.В. Чарыков направляет П.А. Столыпину письмо, в котором содержался проект соглашения с Турцией, в котором намечалось сближение с последней для решения вопроса о проливах и ряда других проблем на Балканах и Ближнем Востоке. Однако в результате несолидарных действий союзных с Россией держав Турция заняла уклончивую позицию.

Стремясь осуществить намеченную программу [12, л. 7–8.], Н.В. Чарыков получает назначение на пост российского посла в Турции [13, с. 130–144].

Библиографический список

1. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230. Л. 7–8.; Ежегодник Министерства иностранных дел за 1908 г. СПб., 1908. С. VII, 11.
2. Бестужев И.В. Борьба в правящих кругах России по вопросам внешней политики // Исторический архив. 1962. № 5. Док. № 1.
3. Tcharykow N. V. Glimpses of high Politics. London, 1931.

4. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kok0_00.php
5. Его же. Из моего прошлого...; Schmitt В. Е. The annexation of Bosnia, 1908–1909. Cambridge, 1937.
6. Tcharykow N. V. Reminiscences of Nicolas II // Contemporary review. 1929. № 3.
7. Schmitt В.Е. The annexation of Bosnia, 1908–1909. Cambridge, 1937.
8. Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 158; Особые журналы Совета министров царской России. 1908 год. Т. 3. М., 1988. С. 631–637.
9. Langer W. L. Russia, the Straits Question and the Origins of the Balkan League, 1908–1912 // Political Science Quarterly, Vol. 43, No. 3 (Sep., 1928).
10. McDonald D. A lever without a fulcrum: domestic factors and Russian foreign policy, 1905–1914 // Imperial Russian foreign policy. Cambridge, 1993.
11. Tuminez A.S. Russian nationalism since 1856: ideology and the making of foreign policy. Oxford, 2000.
12. РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230.
13. Чернов О.А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара, 2010.

Г.Н. Шумкин

*Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН, Екатеринбург*

ПЛАНЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА КАЗЕННЫХ ГОРНЫХ ЗАВОДАХ В 1910–1912 ГГ.

При изучении деятельности Петра Аркадьевича Столыпина на посту председателя Совета министров Российской империи историки в основном уделяют внимание политике в аграрной сфере, попыткам русификации Западного края и усилению армии и флота. Однако в его сферу профессиональных интересов входил любой вопрос, выносимый на обсуждение Совета министров. В числе таких проблем, требовавших вмешательства высших должностных лиц, был вопрос о судьбе казенных горных заводов. К 1907 г. в управлении Горного департамента находилось 12 казенных горных заводов на Урале: Пермский пушечный, Воткинский, Златоустовский, Саткинский, Кусинский, Артинский, Кушвинский, Верхнетуруинский, Нижнетуруинский, Баранчинский, Се-